

УДК 811.116'373.611

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КАЗАНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XIV ВЕКА: СУБСТАНТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Н.Г. Николаева

*Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, 420012, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье дается анализ субстантивного словообразования в тексте Казанского Евангелия XIV в., относящегося к апракосам Мстиславова типа. Исследование призвано уточнить уже имеющиеся данные по этой проблематике, дополнить описание лексико-семантических особенностей памятника и выявить его словообразовательную специфику. В центре исследования – формы именного словообразования как основные текстообразующие единицы. Метод изучения объединяет синхроническое описание внутритекстового лексического наполнения и сопоставление с другими памятниками близкой жанрово-стилистической принадлежности и хронологии. В результате исследования была установлена репрезентативность словообразовательных типов имен, проанализированы количественные данные, сделаны выводы о жанрово-стилистических особенностях текста на основании словообразовательной картины, его представляющей, в целом, а также о специфике в сфере словообразования данного конкретного памятника в частности.

Ключевые слова: Казанское Евангелие, древнерусский язык, историческое словообразование, именное словообразование, вариантность, словообразовательная синонимия, жанр, стиль, текст

Казанское Евангелие (далее КЕ) – апракос Мстиславова типа (по терминологии Л.П. Жуковской [1, с. 319]), созданный во второй половине XIV в., с точки зрения лексики практически не исследован. А.С. Архангельский, который оставил одно из первых кратких описаний КЕ, часть своей статьи посвятил лексическим отличиям текста КЕ от современного ему служебного Евангелия [2, с. 13–28]. Деривационный аспект стал предметом рассмотрения значительно позднее: в рамках описания рукописных книг древлехранилищ Казани были опубликованы наблюдения над субстантивным словообразованием языка КЕ [3], содержащие первые выводы о деривационной стороне лексической составляющей памятника.

Мы ограничиваемся в этой статье изучением субстантивного словообразования в КЕ, поскольку данный сегмент деривационной картины памятника наиболее информативен для его жанрово-стилистических характеристик. Наше

исследование основано на материале полного словника к КЕ, следовательно, охватывает в количественном отношении объем всего текста, и при этом предполагает углубление в функциональный аспект субстантивного словообразования в языке памятника, то есть реализации этих форм в тексте. Кроме описательной (синхронической) методики, мы намерены применить историко-сопоставительный подход к изучаемой проблеме – сравнить языковые данные КЕ с аналогичными фактами из других источников, одинаковых или различных по жанрово-стилистическим особенностям, как в синхронии, так и в диахронии, опираясь на сведения, представленные авторитетными исследованиями в данной сфере.

При изучении КЕ (как и любого другого памятника, содержащего евангельский текст) в языковом аспекте нужно учитывать два фактора. Во-первых, фактор текстологический. Переписчик КЕ ориентировался на неизвестный нам антиграф (антиграфы), и его собственная корректура могла быть минимальной: мы оцениваем языковую картину памятника *ad hoc* – то, как она сложилась в данной рукописи вследствие многократных копирований, исправлений, пересечения разных редакций, одним словом – в долгой, богатой и сложной традиции славянского евангельского текста. Во-вторых, это фактор жанра, который сдерживал в какой-то степени процессы редактирования текста: вероучительное значение Евангелия не позволяло его радикально исправлять, хотя с самого раннего этапа его бытования на славянской почве неотъемлемой характеристикой текста Евангелия становятся разночтения, отражающие в основном лексическое (в том числе словообразовательное) и грамматическое варьирование при передаче текста. Фактор жанра содержал и другой парадокс: образуя самую верхушку жанрово-стилистической пирамиды древнеславянского языка (конфессионально-литургическая литература) (см. [4, с. 96]), Евангелие, наряду с высокими религиозно-философскими идеями, часто повествует о реалиях ближневосточной жизни, о быте, обычаях, культуре греко-иудейского мира, так что и высокие идеи оно стремится донести через простые и понятные примеры, с помощью языка притчи, который должен быть доступен любому. Такое жанровое свойство вполне гармонизировало с целенаправленностью деятельности Кирилла и Мефодия, создававших перевод, понятный многим славянским народам, на народной языковой основе. Так, в нем искони соединился книжный элемент и элемент общеславянский, близкий к народно-разговорной стихии.

Это соединение имело большое значение в последующем становлении отдельных литературных языков славян. В частности, древнерусский литературно-письменный язык складывался, как известно, при взаимосвязи и взаимодействии двух начал – славяно-книжного и исконно-восточнославянского. Естественно, что словообразовательная система этого языка включала деривационные единицы (словообразовательные типы) обоих языковых начал. Также необходимо учитывать, что обе эти языковые стихии имели около семидесяти процентов языковых совпадений и сближенных форм, в связи с чем значительную роль при оценке языковых показаний играют количественные данные.

На основании чисто количественных показателей в КЕ были выделены словообразовательные единицы (здесь – суффиксы) книжного типа: суффиксы *-тель* *-(е)ние*, *-тие*, *-ость* (*-есть*), *-ьство*, *-ьствие*, *-изна* и некоторые другие. Им в определенной мере противопоставлены нейтральные суффиксальные типы –

образования нулевой суффиксации, имена с суффиксами *-икъ*, *-ьникъ*, *-ецъ* (*-ьць*), *-ица*, *-ина*, *-ота*, *-тва*, *-ие*, *-ище*. Позднее к ним присоединятся *-ка*, *-ьцикъ* (*-чикъ*) и некоторые другие. С этих позиций нам предстоит рассмотреть суффиксальные субстантивы, отраженные в языке Казанского апракоса.

Итак, мы можем выделить в тексте КЕ производные суффиксальные имена:

а) с книжными суффиксами: **-тель** – *оучитель*, *обладатель*, *властель*, *грабитель*, *датель*, *дѣлатель*, *делитель*, *жатель*, *мучитель*, *креститель*, *устѣкатель*, *утѣшитель*, *ругатель*, *родитель*, *свидѣтель*, *строитель*, *тѣжатель*, *благовѣститель*, *законоучитель* (всего 19 *nomina agentis* и одно образование *nomem loci* – *обитель*), **-(е)ние/--(е)нье** – как *алкание*, *блистание*, *блужение*, *гонение*, *даянье*, *дѣлание*, *жадание*, *мицение*, *искушение*, *ицѣленье*, *нестроение*, *паденье*, *поруганье*, *прельщенье*, *терпение* и многие другие (всего 109 слов), **-ость** – *мерзость*, *милость*, *мудрость*, *премудрость*, *радость*, *старость*, *оуность*, *ярость* (8 слов), **-ьство** – *богатство*, *безѣчество*, *владычество*, *лихоимство*, *лукавьство*, *множьство*, *послушьство*, *прелюбодѣйство*, *пьянство*, *свидѣтельство*, *оубиство*, *царство* и др. (всего 21 слово), **-ьствие** – *очѣствие*, *невѣръствие*, *полуцарствие*, *пришествие*, *царствие* (всего 5 слов), **-ищъ** – *горличищъ*, *козлицъ*, *отрочищъ*, *птичищъ* (4 слова), **-арь** – *вратарь*, *градарь*, *мытарь*, *рыбарь* (4 слова); **-тье** – *житье*, *зачатье*, *распятье* (3 слова), **-знь** – *жизнь*, *болѣзнь*, *неприятнь* (3 слова);

б) с нейтральными суффиксами: образования нулевой суффиксации (\emptyset) – как *вѣра*, *воплъ*, *восходъ*, *востокъ*, *възрастъ*, *глаголъ*, *гладъ*, *гнои*, *гнѣвъ*, *грѣхъ*, *даръ*, *завеса*, *завѣтъ*, *ложь*, *местъ*, *молва*, *мука*, *отвѣтъ*, *образъ*, *оплотъ*, *оубои* и многие другие (всего 88 слов), **-ьникъ** – как *безаконникъ*, *грешникъ*, *дверникъ*, *мученикъ*, *мытникъ*, *исповедникъ*, *кущникъ*, *кажникъ*, *наимникъ*, *наслѣдникъ*, *наставникъ*, *обещникъ*, *пищальникъ*, *постникъ*, *праведникъ*, *свѣтникъ*, *разбоиникъ*, *сотникъ*, *странникъ*, *оужникъ*, *оученикъ* и др. (*nomina agentis* – 35 слов), **-ьникъ** – *источникъ*, *праздъникъ* (предметное значение – 4 слова), **-ецъ** – *жрецъ*, *лестецъ*, *ловецъ*, *младенецъ*, *мертвецъ*, *слепецъ* и др. (*nomina agentis* – 16 слов), **-ецъ** (предметное значение – 6 слов: *мешьць*, *ковчежець*, *цвѣтець*), **-ица** (неличное значение – 16 слов как *власяница*, *въсходница*, *житница*, *ножьница*, *стекляница*, *оудица* и т. п.), **-ица** (лицо женского пола: *вдовица*, *дѣвица*, *отроковица*, *царица* – 10 слов, лицо мужского или женского пола: *пьяница*, *оубица* – 4 слова), **-ие/-ье** – *безоумие*, *безаконье* (*-ие*), *величье*, *лицемѣрие*, *наслѣдье*, *причастье* (всего 11 слов), **-ина** – *година*, *дружина*, *купина*, *пучина* и подобные (всего 9 слов), **-ище** – *судище*, *сборище*, *торжище* и др. (всего 8 слов), **-ть** – *власть*, *зависть*, *напасть*, *страсть* и подобные (всего 7 слов), **-инъ** (лицо мужского пола: *гражанин*, *назарянинъ*, *самарянинъ* – всего 5 слов), **-тва** – *жатва*, *жертва*, *ловитва*, *молитва*, *клятва* (5 слов), **-окъ** – *избытокъ*, *опреснокъ*, *недостатокъ* (3 слова), **-ба** – *служба*, *татѣба* (2 слова). По одному образованию представлены имена с суффиксами **-ыня** (*пустыня*), **-ыка** (*владыка*), **-акъ** (*буйкъ*), **-ота** (*тягота*), **-то** (*жито*), **-отъ** (*животъ*), **-ухъ** (*пастухъ*) и некоторые другие.

Все это свидетельствует о том, что язык Казанского апракоса XIV в. отражает сложную систему суффиксальных субстантивных производных, включающую почти на паритетных началах книжные и нейтральные славянские сло-

вообразовательные типы. При этом мы не можем сказать, что они соединены в тексте искусственно. Наоборот, они представлены для номинации конкретных реалий в определенной (естественной) взаимосвязи и определенном взаимодействии. Одно из проявлений этого взаимодействия можно видеть в морфофонемном (и фонеморфемном) оформлении производных имен. Ярким примером этого является слово *гражанинь*, в котором производящая основа соединяет южнославянское неполногласие с русским рефлексом *ж* < **dj*. Другой пример фонетической русификации книжного образования представляет собой слово *оустръжение*. Некоторые нейтральные словообразовательные типы в языке памятника заполнены образованиями славяно-книжного оформления (например, имена с суффиксом *-ть*): *благодать*, *власть*, *область*, *сласть*. Книжные и нейтральные морфемы имеют алломорфы (*-ние/-нье*, *-ие/-ье*), при этом алломорф народно-языкового характера в некоторых случаях преобладает.

Можно было бы рассматривать суффиксальные субстантивы с чисто деривационных позиций, обратив внимание на проблемы их мотивированности, словообразовательного значения и аффиксальной специфики. Но из сопоставления с другими источниками ясно, что наши слова не имеют каких-то ярких морфологических и семантических особенностей.

Если сравнить Казанский апракос по показаниям субстантивного словообразования с данными текста Путятиной Минее (ее текстовый объем примерно равен объему КЕ), представляющей образец высокой книжности, то полученные результаты подтвердят наш тезис о «смешанном» характере словообразовательной картины в евангельском тексте. Так, в Путятиной Минее имен с суффиксами *-(е)ние* – 207, *-тель* – 47, *-ость* – 18, *-ьство* – 33, *-ьствие* – 21 [5, с. 128]. Среди прочего выделяется большое количество имен на *-ьствие*, которых в КЕ немного. Соотношение других суффиксальных образований свидетельствует о том же.

Обращает на себя внимание то, что в языке КЕ самыми продуктивными образованиями являются имена нулевой суффиксации и имена с суффиксом *-(е)ние*, то есть имена противоположных стилистических сфер. Следует отметить, что стилистическая маркированность тех и других имен создается разными элементами словообразовательной формы. У имен на *-(е)ние* таким маркером является словообразовательный аффикс, присоединение которого к любому глаголу переводит производное существительное в сферу книжных образований. Образования нулевой суффиксации, как и другие образования с нейтральными суффиксами, маркируются производящими основами, поэтому их много в книжных текстах. Ср. слова *отходь*, *потокъ*, *потопъ*, *рана*, *судь*, *убои*, *гдь*, с одной стороны, и *спасъ*, *слава*, *хвала*, *пророкъ*, *объть*, *въра* и т. п. – с другой. Надо отметить, что слова второго типа превалируют в языке КЕ.

Казанское Евангелие писалось после распада семантического синкретизма. Тем не менее прежние отношения в ряде случаев сохранялись. Отдельные семы не достигли еще статуса самостоятельных значений, поэтому в семантике некоторых производных слов они присутствуют наряду с главной семой. Это касается в первую очередь имен с суффиксом *-(е)ние*, совмещающих на уровне неразделимых контекстом сем значения действия и его результата и др., и имен нулевой суффиксации, значение которых иногда совмещало и действие, и действующее лицо. Ср.: *лобызанье*, *писание*, *разоренье*, *очищение*, *блистание*, *объядение*,

щгленіе и др., с одной стороны, и традиционное *спасъ* – с другой. Такие отношения в семантике наблюдаются и у некоторых других суффиксальных образований.

Способов преодоления такой семантической неоднозначности было два. Во-первых, это развитие словообразовательной омонимии и активизация семантического словопроизводства на основе метафоры, что весьма характерно для богослужебных и богословских текстов и что затем плодотворно будет развиваться в гимнографии. Так, слова *знанье*, *роженье*, *неприянь*, *животъ* и др. имеют в тексте значение лица или соотнесены с ним, ср: *нѣ(сть) прѣркъ бещести. но токмо въ своємъ очѣствиѣ в роженіи в дому своємъ* (КЕ, л. 46г); *не зови другъ своихъ. ни роженія твоѣго* (КЕ, л. 76а); *и искаста ѣго в роженіи и въ знаньи* (КЕ, л. 150в); *будеть же слово ваше ѣи. ѣи. ни ни. лише же сею ѿ неприязні* (КЕ, л. 13в–г); *не введи насъ во искушеніе. но избави насъ ѿ неприязни* (КЕ, л. 68в); *азъ ѣсмь путь (и) истина и живот* (КЕ, л. 6г) и т. п.

Во-вторых, семантическая неоднородность находила свое разрешение и в явлении словообразовательной вариантности и синонимии (последнее имело семантико-стилистическое значение). Так, стилистическое сближение имен на *-(е)ние* и образований нулевой суффиксации, произведенных на основе общего глагола, нашло отражение в случаях словообразовательной синонимии (вариантности): *глагол – глаголаніе, дѣло – дѣланіе, мѣсть – мѣщеніе, проказа – прокаженіе, спасъ – спасеніе, хула – хуленіе*. Отметим и другие случаи этого феномена в языке КЕ и укажем на немалое количество подобных пар для стилистически однородного текста: *царствіе – царство, лихоимство – лихоиманіе, прелюбодѣйство – прелюбодѣяніе, послушаніе – послушьство, невѣрье – невѣрьство, лицемѣрство – лицемѣрье, убиство – убои, рождество – рожденіе, жизнь – житіе, градарь – гражанинь, владыка – властель, четверовластець – четверовластникъ* и др.

Некоторые пары представляют собой варианты без каких-либо семантических отличий. В нашем понимании речь в этих случаях идет о словообразовательных вариантах [6, с. 37]. Например, ср.: *ин же ч(с)ть бы(сть) ѿ проказы* (КЕ, л. 18а) – *и се мужъ исполнь прокаженья... абыѣ прокаженіе ѿпаде скоро ѿ него* (КЕ, л. 57г–58а); *оутрь же полни безаконья и лицемѣрья* (КЕ, л. 116а) – *ин же въдыи лицемѣрство ихъ. и р(ч)е имъ что ма искушаѣте лицемѣри* (КЕ, л. 94б); *глю же вамъ яко створить мѣсть ихъ вскоръ* (КЕ, л. 96б) – *яко днѣе мѣщенія си суть* (КЕ, л. 85а) и т. п. В других случаях словообразовательные варианты употребляются в определенных синтактико-семантических обстоятельствах. Так, *глаголанье*, в отличие от частотного *глагола*, встречается единожды – как часть потенциального словосложения (ср. *хульноглаголаніе*): *и язъчници молат са. (мнатъ бо са) яко въ мнозѣ гланьи оуслышани будутъ* (КЕ, л. 104в); слово *дѣланіе* употребляется в своего рода связанном словосочетании: *егда идеши с суперникомъ своимъ ко князю. на пути даже (=даждь) дѣланье. избыти ѿ него* (КЕ, л. 74в); слово *послушаніе* является какой-то переводческой новацией, характеризующей лишь некоторые евангельские списки, и встречается в КЕ единожды в отличие от частотного слова *послушьство*: *бѣ весь народъ собрав са на послушаніе* (КЕ, л. 39в) – ср. тот же фрагмент в Мст.: *и бѣ весь градъ събралъ са къ дверьмъ* (Мст, л. 55б) и т. п.

Возможности словообразовательной синонимии (вариантности) обыкновенно способствуют эстетическому текстосложению, но в КЕ писец в основном не пользуется таким средством; это наглядно демонстрирует следующий фрагмент, где в достаточно просторном перечислении представлены имена разных словообразовательных типов, что с эмфатической точки зрения плохо организует текст: *гѣше же яко исходащеи ѿ члѣка. то сквернить члѣка. изнутри бо члѣка. помысли зли исходить. прелюдѣяния блужения убо(и) татьба. лукавство лихоим(а)нѣе. и леть. вко лукаво. хулу презорство. безумѣе и все се злое* (КЕ, л. 50а). Данный пример говорит о том, что содержательная сторона была для писца важнее плана ее выражения (обыкновенно при необходимости смысловой нюансировки форма отходит на второй план [6, с. 40]), хотя в некоторых случаях он не пренебрегал и им, однако участие словообразовательных средств в этом было минимально.

«Умеренность» языка КЕ (Евангелия как книжного жанра) проявляется, в частности, в небольшом количестве словосложений – 34 композита. Интересно распределение сложных слов по словообразовательным типам. Больше всего сложных слов в именах на *-(е)ние*, что фактически пропорционально общему числу образований этого типа в КЕ – 9 слов (*благоволение, благовъщение, богоявление, хулноглаголанье, лихоиманье, любодѣяние, прежевозлежание, прежежестданье, прелюбодѣяние*). Далее, и опять-таки в соответствии с количеством производных слов, идут композиты в сфере образований нулевой суффиксации – 6. При этом 5 композитов выступают со значением лица (*богословъ, злодѣи, лицемѣръ, маловѣръ, прелюбодѣи*). Следующую позицию, как можно было ожидать, занимают композиты с суффиксом *-ецъ* – 5 слов из 16 (*заимодавецъ, сребролюбвецъ, черноризецъ, четверовластецъ, чудотворецъ*). Установлено, что суффикс *-ьць*, будучи нейтральным стилистическим средством, широко использовался книжниками именно как оформитель сложных *nomina agentis* [7, с. 23–32]. По три композита отмечено среди имен с суффиксом *-ьникъ* (*иноплеменикъ, иноязычникъ, четверовластникъ*), *-ство* (*лихоимство, лицемѣрство, прелюбодѣиство*), а также *-ица*, что весьма показательно, если сопоставить эти имена с именами на *-ецъ* (*человекоубица, винопица, любодѣица*). Приведенные сложные слова, безусловно, принадлежат к высокой лексике. И то, что их относительно немного в языке КЕ, свидетельствует об указанной выше умеренности евангельского языка.

Близость к народному языку создает сравнительно большое количество нулевых образований со значением лица: *прелюбодѣи, пророкъ, слуга, спасъ, отрокъ, оуродъ, сушьдъ, злодѣи, лицемѣръ, маловѣръ, послухъ*. Об этой близости говорит также наличие в тексте слов с уменьшительным значением: *ковчежець, мешьць, подолецъ, цвѣтець*.

На основании изложенного можно утверждать, что данные словообразования подкрепляют факты графико-фонетического, лексического и грамматического уровней, говорящие о заметной русификации текста данного памятника – заметной даже на фоне типобразующего Мстиславова апракоса, который представляет, по Г.А. Воскресенскому, древнерусскую редакцию евангельского текста [8, с. 256–257].

Словообразовательная сфера изучаемого памятника, таким образом, имеет следующие особенности: во-первых, она обуславливает свойственный древнеславянскому евангельскому тексту жанрово-стилистический характер, отличающийся в силу своего происхождения высоким конфессиональным статусом, но насыщенный по причине содержательной специфики и функциональной направленности общеславянским языковым элементом; во-вторых, она не избежала общей для языка памятника русификации, что проявляется в количественных данных представленности словообразовательных типов и их фонемной реализации; в-третьих, словообразовательная парадигматика (омонимия, синонимия) в языке КЕ способствует конкретизации словообразовательных значений и закреплению их за определенным словообразовательным типом, а также (тем самым) развитию лексико-семантических отношений в языке в целом. Функционирование форм именного словообразования в тексте доказывает примат его содержательной стороны над формальной, что определяет языковые и стилистические особенности памятника.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-34-00019-ОГН\18).

Источники

КЕ – Евангелие-апракос // Науч. б-ка Казан. ун-та. – ОРПК. – № 2072. – 159 л.
Мст. – Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. – М.: Наука, 1983. – 527 с.

Литература

1. *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI – XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. – М.: Наука, 1968. – С. 199–332.
2. *Архангельский А.С.* Древне-славянское Евангелие, принадлежащее Обществу археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете: Материалы для истории русского языка. – Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1883. – 28 с.
3. *Николаев Г.А.* Формы субстантивного словообразования в Казанском Евангелии XIV века // Русская и сопоставительная филология'2007. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – С. 117–122.
4. *Толстой Н.И.* Древнеславянский литературный язык в XII – XIV вв. (его функции и специфика) // Толстой Н.И. Избранные труды. – М.: Языки рус. культуры. – Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. – 1998. – С. 90–101.
5. *Николаев Г.А.* Феномен книжных славянских суффиксов // Русская и сопоставительная филология'2010. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – С. 108–112.
6. *Николаева Н.Г.* Русское историческое словообразование в функциональном аспекте // Дialeктное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 29–50.
7. *Николаев Г.А.* Из истории русского словообразования: Сложные *nomina agentis* с суффиксом *-ец* // История русского языка: Словообразование и формообразование. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – С. 23–33.

8. *Воскресенский Г.А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI – XVI вв. – М.: Унив. тип., 1896. – 305 с.

Поступила в редакцию
06.08.18

Николаева Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии; профессор кафедры романской филологии

Казанский государственный медицинский университет
ул. Бутлерова, д. 49, г. Казань, 420012, Россия

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 5, pp. 1050–1058

Word-Formation Features of the Kazan Gospel of the 14th Century: Nominal Derivation

N.G. Nikolaeva

Kazan State Medical University, Kazan, 420012 Russia

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Received August 6, 2018

Abstract

The nominal word formation in the text of the Kazan Gospel of the 14th century relating to the lectionaries of the Mstislav type has been analyzed. The study aims to clarify the available data on this issue, to add to the description of the lexical and semantic features of the manuscript, and to identify its specificity of word-formation patterns. The research is focused on the forms of nominal word formation as the main text-forming units. The analysis has been performed using a combination of synchronic description of the intra-lexical content and comparison with other texts of a similar genre and stylistic affiliation and chronology. As a result of the study, the representativeness of word-formative types of the noun has been established. The conclusions have been made about the genre and stylistic features of the text on the basis of the word-formative pattern representing it, in general, as well as the specifics in the sphere of word formation of this particular manuscript.

The major findings can be summarized as follows: firstly, the derivational field of the manuscript determines the genre and stylistic nature of the Old Slavic gospel text; secondly, it underwent the common for that period Russification, resulting in the quantitative representation of the derivational types and their phonomorphematic implementation; thirdly, the word-formative paradigm contributes to the restriction of word-formative meanings and fixing them for a certain word-formative type, which is important for the semantic relations in the language as a whole. The functioning of the forms of nominal word-formation in the text proves the primacy of its content over the formal side.

Keywords: Kazan Gospel, Old Russian language, historical word formation, nominal word formation, variation, word formation synonymy, genre, style, text

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-34-00019-OGN\18).

References

1. Zhukovskaya L.P. Typology of manuscripts from the Old Russian full Aprakos of the 11th – 14th centuries due to their linguistic study. In: *Pamyatniki drevnerusskoi pis'mennosti: Yazyk i tekstologiya* [Old Russian manuscripts: Language and Textology]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 199–332. (In Russian)
2. Arkhangel'skii A.S. *Drevne-slavyanskoe Evangeliiye, prinadlezhashchee Obshchestvu arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete: Materialy dlya istorii russkogo yazyka* [The Ancient Slavic Gospel owned by the Society of Archeology, History, and Ethnography at the Imperial Kazan University: Materials for the History of the Russian Language]. Voronezh, Tip. V. I. Isaeva, 1883. 28 p. (In Russian)
3. Nikolaev G.A. Forms of substantive word formation in the Kazan Gospel of the 15th century. In: *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya '2007* [Russian and Comparative Philology'2007]. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 2007, pp. 117–122. (In Russian)
4. Tolstoy N.I. Ancient Slavic literary language in the 12th – 15th centuries (its functions and specifics). In: Tolstoy N.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2: Slavic literary language situation. Moscow, Yazyki Russ. Kul't., 1998, pp. 90–101. (In Russian)
5. Nikolaev G.A. The phenomenon of Slavic learned suffixes. In: *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya '2010* [Russian and Comparative Philology'2010]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2010, pp. 108–112. (In Russian)
6. Nikolaeva N.G. Russian historical word formation in the functional aspect. In: *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* [Dialect Word Formation, Morphemics, and Morphonology]. St. Petersburg, Nauka; Vologda, VGPU, 2007, pp. 29–50. (In Russian)
7. Nikolaev G.A. From the history of Russian word formation: Complex nomina agentis with suffix *-ets*. In: *Istoriya russkogo yazyka: Slovoobrazovanie i formoobrazovanie* [Russian Language History: Word Formation and Morphogenesis]. Kazan, UNIPRESS, 1997, pp. 23–33. (In Russian)
8. Voskresenskii G.A. *Kharakteristicheskiye cherty chetyrekh redaktsii slavyanskogo perevoda Evangeliiya ot Marka po 112 rukopisyam Evangeliiya XI – XVI vv.* [Characteristics of the Four Editions of the Slavic Translation of the Gospel of Mark according to 112 Manuscripts of the Gospel of the 11th – 16th Centuries]. Moscow, Univ. Tip., 1896. 305 p. (In Russian)

Для цитирования: Николаева Н.Г. Словообразовательные особенности языка Казанского Евангелия XIV века: субстантивная деривация // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С. 1050–1058.

For citation: Nikolaeva N.G. Word-formation features of the Kazan Gospel of the 14th century: Nominal derivation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 5, pp. 1050–1058. (In Russian)